

Беляева, Е.В. Моральный дискурс и историческая культура // Философские традиции и современность / Е.В. Беляева // Философские традиции и современность. – 2014 – № 2 (6). – С. 64–68. – 0,3 а. л.

МОРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Е.В. Беляева

Историческое сознание предполагает не только знание прошлого, но и его ценностное истолкование, поэтому моральные аспекты исторической культуры неизменно привлекают внимание исследователей. В зависимости от способа постановки вопроса о взаимосвязи морального дискурса и исторической культуры образуются проблемные поля, рассмотрение которых способствует многоаспектному пониманию темы.

Едва ли не самый распространенный способ соединения морального дискурса и исторической культуры состоит в рассмотрении истории с моральной точки зрения. Исторические события и персоны оцениваются как нравственные или безнравственные на основе имеющейся у субъекта системы нравственных убеждений, которая под сомнение не ставится. При этом, невзирая на морально негативное отношение к деятельности отдельных исторических деятелей, общая нравственная оценка исторического процесса чаще всего оказывается положительной. Многие философы полагали историю ареной реализации морали, развертывания нравственности. Так Гегель, погружая и нравственность, и историю в контекст саморазвертывания абсолютной идеи, трактовал исторический процесс как прогресс в сознании свободы. Так В.С. Соловьев полагал, что оправдание добра происходит через историю человечества и, в свою очередь, исторический процесс получает свое оправдание в той степени, в которой он это добро реализует. Для Н.А. Бердяева смысл истории интерпретировался в контексте решения этико-религиозных задач.

Аналогичным образом К. Ясперс рассматривал историю как духовный и нравственный процесс, стремясь постичь ее единство в многообразии форм.

Понятно, что такого рода постановка вопроса осуществима только в рамках философского идеализма, полагающего критерии нравственности за пределами собственно истории, что и позволяет выверять канву реальных событий по этим внеисторическим абсолютным критериям. Такого же рода идеализм, но уже наивный, проявляет и обыденное историческое сознание, характеризуя события прошлого как благо или зло и не подвергая рефлексии основания своей оценочной деятельности. Обыденное сознание общества чаще всего склонно идеализировать события собственной истории, придавая им нравственно положительный смысл. Чувство «исторической вины», недовольства собственной историей (в Германии после нацизма или в Великобритании после распада колониальной системы) – это уже феномен постклассической культуры. В этом плане в постсоветский период, несмотря на призывы к «покаянию», нравственное переосмысление исторических событий советского периода не произошло. Общество разделилось на тех, кто безжалостно критикует советское прошлое (не признавая собственной причастности к нему) и тех, кто (порою вынужденно) защищает его как часть собственной идентичности. В результате морализаторский подход к истории, согласно которому история *должна* соответствовать моральным критериям, оказывается доминирующим, а общество за счет такой трактовки соотношения морального дискурса и исторической культуры консервирует свой традиционализм.

Другой подход исходит из доминирующего значения исторической культуры по отношению к моральному дискурсу: исторический опыт, историческое наследие, историческая судьба народа и личности формируют представления о морали. Моральный дискурс историчен,

«историю пишут победители», утверждая свои достижения в качестве критерия моральной оценки. Память об исторических событиях стимулирует и реконструкцию морального сознания соответствующей эпохи. Например, в России в связи со столетием со дня начала Первой мировой войны не только усилилось внимание к ее событиям, но актуализировались и нравственное сознание времен империи. В Беларуси современном общественном сознании постоянно актуализируются воспоминания о событиях Великой отечественной войны, когда военная победа оказывается знаком нравственной победы, и, соответственно, ценностные ориентации победителей составляют неизменную основу нравственного воспитания молодежи.

В контексте доминирования исторического дискурса над моральным любая попытка «пересмотреть историю» воспринимается как моральное оскорбление, покушение на систему нравственных принципов, сложившихся благодаря определенным историческим событиям. Отрицание холокоста, голодомора, геноцида и т.п. расценивается как нравственное преступление, отсутствие сострадания к жертвам. Использование в этике термина «мышление после Освенцима» характеризует то положение вещей, при котором конкретное историческое событие стало эталоном абсолютного зла, и поэтому любые этические рассуждения второй половины XX века строятся с учетом этого критерия.

При доминировании исторического дискурса над моральным успешные исторические деятели, невзирая на их подчас жестокие и безнравственные по обыденным меркам поступки, оцениваются положительно, «оправдываются историей» и обыденным историческим сознанием. Грандиозность исторических событий, произошедших при участии Ивана Грозного, Петра I или Сталина, становится свидетельством их нравственной правоты, а единство исторической и нравственной оценки событий переживается как «историческая справедливость». Конечно,

сформированные историческими победителями критерии справедливости не являются морально абсолютными, так как этическая категория не может основывать свое содержание на внеэтических основаниях. Кроме того, исследование «области справедливости», т.е. тех сфер, где данная категория вообще применима, показывает, что полнота ее реализации возможна, во-первых, внутри обществ, но не между ними, во-вторых, в современности, но не в исторической перспективе. Ни по отношению к будущим поколениям, ни по отношению к прошлому применение категории справедливости не представляется теоретически корректным [1]. Это, однако, не мешает реальному историческому сознанию продолжать продуцировать критерии морали и использовать их при оценке деятельности политиков и простых граждан.

Само представление об исторической справедливости исторично. Оно фундировано христианской идеей истории как направленного развития от Сотворения мира к Концу света, а также идеей божественной справедливости, реализующейся посредством подчас несправедливых с человеческой точки зрения событий. Впоследствии на место теодицеи размещается история-дицея: оправдание содержания морального дискурса историей. С переходом обществ в состояние постмодерна и переживанием истории как набора мозаичных фрагментов, непересекающихся линий развития и, наконец, просто результата нарративной деятельности, способность истории быть основой моральных оценок была утрачена. В результате воцарилась всеобщая «историческая несправедливость», при которой вопрос о значимости того или иного события зависит от многообразия его толкований.

Как морализаторский подход к истории, так и обоснование критериев моральности, опирающихся на конкретные исторические события, являются естественно возникающими феноменами общественного сознания. В их контексте формируется нравственно

нагруженное историческое сознание, с одной стороны, и исторически ситуативные нравственные представления – с другой. Задача философии и этики состоит не столько в критике данного неизбежного положения вещей, но в его прояснении и рефлексии.

Третий способ поставить вопрос об исторической культуре и моральном дискурсе – это заговорить об истории самой нравственности, истории морального дискурса, который не только оценивает историческую действительность или порождается ею, но имеет собственную динамику, обусловленную природой морального сознания. Рассмотрение исторически сложившихся систем нравственности и их специфических дискурсивных практик позволяет существенно дополнить картину исторического процесса, не сводя его к политической и экономической истории.

Оценочная природа морального сознания приводит к тому, что процесс описания исторических систем нравственности неизбежно предполагает их оценку. Поэтому в истории нравственности еще труднее, чем в общей истории, добиться не то что объективного знания, но хотя бы некоторой достоверности. Исследователь неизбежно производит анализ, исходя из определенных представлений о природе морали, которые с необходимостью содержат не только теоретическую, но и нормативно-ценностную составляющую. Если же элиминировать последнюю из рассуждения, то тогда невозможно вычленить сам объект анализа – нравственность прошлого и современности. В результате анализ истории нравственности всегда осуществляется с позиции какой-то конкретной системы нравственности. Научный статус такого осмысления определяется его рефлексивным характером, когда исследователь отдает себе отчет в описанной методологической сложности и постоянно подвергает рефлексии не только исторически сложившиеся нравственные нормы, но и собственную моральную позицию.

Начиная с исследования Фридрихом Ницше генеалогии морали и исторического изменения ее ценностей, этика занимается генеалогией и археологией моральных понятий. Под влиянием «лингвистического поворота» в философии она также обратилась к анализу языка морали, в том числе к его исследованию в исторической проекции. Как показал А. Макинтайр, в нашем мире моральный язык находится в состоянии беспорядка, мы продолжаем использовать многие его ключевые выражения, но утратили тот контекст, в рамках которого они имели смысл [2, с. 7]. Современный моральный дискурс сохраняет остаточные смыслы различных систем нравственности, и это говорит о том, что «предмет моральной философии.... обладает отчетливыми характеристиками исторического существования» [2, с. 358]. Поэтому рассмотрение истории нравственности предполагает обязательное исследование истории морального дискурса.

Для написания истории нравственности используются исторические материалы и документы, в которых мораль предстает в формах должного, ибо каждая культура презентрует свои идеалы, запечатлевает для себя и потомков свои нравственные ценности. Но как только объектом анализа становятся не моральные программы, а их осуществление, как только исследователь обращается к свидетельствам о действительном поведении людей той или иной эпохи, то нравственного поведения обнаружить не удастся, и любой исторический период предстает как эпоха «морального разложения». Это весьма заметно, например, в «Иллюстрированной истории нравов» Э. Фукса [3]. Все «истории нравов» – это истории не функционирования норм, а отклонения от них: «о времена, о нравы!».

История нравственности выглядит как система идеалов или как вакханалия аморализма в зависимости от трактовки движущих сил исторического поведения: считаются ими интересы или мотивы. Субъект морального дискурса неизменно приписывает себе мотивы (пусть и не

возвышенные, но ценностно наполненные), а всем другим субъектам исторического поведения – голые интересы (поскольку наблюдает только за их поступками и высказываниями, т.е. за внешними проявлениями). Разрешение этого противоречия достигается за счет «переописания» событий в разных «конечных словарях», как предлал Р. Рорти. Смысл норм и ценностей, присущих различным эпохам раскрывается «при сопоставлении противоположных сценариев, при сопоставлении альтернативных, описаний и переописаний» [4, с. 221].

Еще один феномен, возникающий при изучении истории нравственности, обусловлен своеобразно устроенной памятью общества. Моральное прошлое неизменно идеализируется как «золотой век морали», по отношению к которому современное общество выглядит как безнравственное. Не только старики говорят об «испорченности молодежи», но и сама молодежь говорит о том же. В результате прошлые нравы неизменно считаются лучшими, чем нынешние, а вот современные моральные представления ценятся выше, на их фоне моральные принципы и нормы прошлых веков кажутся странными и устаревшими.

Феноменология истории нравственности показывает, что моральный дискурс имеет собственную историю, в которой изменчивые содержания и их интерпретации накапливаются, приобретая с годами и веками характер нравственной достоверности. История морального дискурса имеет форму не столько вектора, сколько «стоячей волны», перемещение норм и ценностей внутри которой не изменяет структуру феномена по существу. Изучение этой исторической структуры морального дискурса необыкновенно интересно и полезно для этики.

Итак, взаимодействие морального дискурса и исторической культуры создает специфические проблемные поля для исследования. Одно из них формируется тогда, когда моральный дискурс доминирует над историческим, ценностная матрица добра и зла полагается основой

исторической культуры. В одних случаях история мыслится как нравственный проект, как процесс развертывания сущности морали. В других – история оценивается критически и (особенно политическая история) видится как череда безнравственных событий. Другое проблемное поле возникает при исследовании исторических корней морального дискурса, при понимании его исторической определенности всем строем общественной жизни. Здесь исторический дискурс доминирует над моральным, нравственная культура оказывается частью исторической, оправдывает свое содержание через историю. Третье проблемное поле складывается при рассмотрении истории самой нравственности, исторических систем нравственности, присущих им нормативно-ценностных представлений и способов моральной регуляции. Эта история имеет собственную логику, не совпадая с историей государств, цивилизаций, народов. При этом проявляется имманентное моральному дискурсу историческое видение, позволяющее ему рефлексивно относиться к самому себе, не оценивать мораль по внешним ей критериям «исторического прогресса», но выявлять историческую логику самого морального.

Библиографический список

1. Прокофьев, А.В. Справедливость по отношению к будущим поколениям / А.В. Прокофьев Воздавать каждому должное... Введение в теорию справедливости. – М. : Альфа-М, 2013. – С. 256–302.
2. Макинтайр, А. После добродетели : Исследования теории морали / А. Макинтайр ; пер. с англ. В.В. Целищева. – М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2000. – 384 с.
3. Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов : в 3 т. / Э. Фукс ; пер. с нем. В.М. Фриче. – М. : Терра ; Республика, 1996.

4. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти ; пер. с англ. И.В. Хестановой и Р.З. Хестанова. – М. : Русское феноменологическое общество, 1996. – 280 с.

УДК 177

Название статьи: Моральный дискурс и историческая культура

Аннотация: Моральный дискурс и историческая культура взаимосвязаны тремя способами: во-первых, история рассматривается и оценивается с моральной точки зрения; во-вторых, историческая культура определяет содержание морального дискурса; в третьих, история морального дискурса обнаруживает свою самостоятельность.

Ключевые слова: историческая культура, нравственная культура, моральный дискурс

Информация об авторе: Беляева Елена Валериевна, к. филос. н., доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

The title: Moral discourse and historical culture

Abstract: The moral discourse and historical culture are interconnected by three ways: first, the history is considered and estimated from the moral point of view; secondly, the historical culture defines the content of a moral discourse; in the third, history of a moral discourse has independence.

Key words: Historical culture, moral culture, moral discourse

Author: Belyaeva Elena, Candidate of sciences (Ph. D) in Philosophy, Belarusian State University